

ЛИТЕРАТУРА ЖИЗНЬ МОЯ

В этой рубрике, которую «ЛГ» открыла в преддверии VII съезда писателей СССР, уже выступили Чингиз Айтматов, Михаил Алексеев, Мустай Карим, Сергей Михалков. Редакция обратилась с просьбой высказаться в рубрике «Литература — жизнь моя» и Даниила Гранина.

БЫЛО время, когда я считал, что «энергия — моя жизнь». Есть люди, для которых «архитектура — их жизнь», «авиация — их жизнь». Литература в этом смысле не есть что-то исключительное. Исключительное — талант. Но у литераторов имеются свои особенности. И о них стоит вести разговор.

Я высокого мнения о литературе и о людях, занятых ею. И все же, мне кажется, мы придаем излишнюю серьезность, значительность литературе, и от этого отодвигается куда-то в сторону жизнерадостность литературного занятия. А оно — жизнерадостное, счастливое дело. Да, есть муки рождения слова, поиски совершенствования, неустанная одинокая работа прозаика, прикованного к своему столу. Но все равно, кляня свою работу, впадая в отчаяние, мы продолжаем ощущать чудо и удивительность того, как из ничего возникают реальный мир, люди живые, осязаемые, с неожиданными поступками... Чувствовать себя творцом, создателем — в этом, конечно, и могущество, и награда.

Когда я принес свой первый рассказ в журнал «Звезда», как весело принял его и напечатал Юрий Герман, который педал тогда прозой журнала! Благодаря ему, а затем Евгению Шаеру, Корнею Чуковскому, Ольге Берггольц, Михаилу Слонимскому я ус-

пел увидеть, как можно весело жить и работать в литературе. Хотя в судьбе каждого из этих людей было немало трагичного и тяжелого.

КАЖДОЕ произведение требует накопления, долгой работы мысли. В жизни успеваешь написать совсем немного, малую часть того, о чем мечталось. Поэтому так непросто, когда время уходит на вещи случайные, проходные, неглавные.

Чем руководствуешься, выбирая из множества тем, сюжетов, историй ту, которой будешь заниматься? Что влечет именно к этой теме, к этому характеру? Среди множества смутных, неосознанных чувств побеждает чувство заинтересованности, боли, сопричастности тому, что происходит кру-

гом, народной жизни, той ее части, с которой пришлось соприкоснуться, пережить или соучаствовать. Выбираешь то, что неотступно мучает тебя, хотя часто это и невыигрышная тема и ожидают тебя в этой работе сложности, может быть, неразрешимые.

Такой, например, «невыйрышной» темой была для нас с А. Адамовичем «Блокадная книга», с которой пришлось хватить немало лиха, но от которой отступить было невозможно. Когда мы соприкоснулись с историями, рассказанными нам блокадниками, мы поняли, что если не напишем это, то никто об этом не напишет, что эти рассказы, может, так и уйдут в небытие. Мы почувствовали себя единственными доверенными глашатаями. Наверняка это превеличие, но именно это чув-

зии таких критиков, как, например, Анатолий Бочаров и Борис Панкин или Алексей Павловский и Евгений Сидоров. Я не всегда соглашаюсь с их оценкой, но я чувствую, что каждое выступление для каждого из них — необходимость. Он говорит о книге потому лишь, что именно она его заинтересовала, делает это вопреки всем мнениям или «ситуации».

МЕНЯ всегда занимал мир людей, напряженно мыслящих, ищущих, то, что мы называем интеллигенцией, хотя очень трудно определить границы этого понятия. Учителя, врачи, научные работники, слои отнюдь не привилегированных, а порой и непрестижных профессий, мир людей городских, лишенных прямых связей с природой, возможности уединиться. Людей, думающих над

конце работы, так и писатель может развить свою идею в процессе исследования характера, в процессе работы над книгой, которая может подтвердить его идею, но может и изменить ее.

Во время работы над романом «Картина», начиная Поливанова как человека догматического, ограниченного, который предъявлял самые что ни на есть вульгарные требования к замечательному художнику Астахову, я убедился, что у этого Поливанова была своя историческая правда, и убедительная. В чем-то я стал ему сочувствовать, чем-то он привлек меня на свою сторону. Я увидел трагедию этого человека. Увидеть свою правду и отрицательных явлений жизни — думаю, показать, в чем их сила и живучесть.

Иногда мне кажется, что мы боимся трагичности жизни и обстоятельств ее. Почему? Ведь никто и ничто не удалил из жизни неудач, несчастий, смерти, одиночества. Многие отличные произведения литературы были связаны с трагичным мироощущением.

Почему мы признаем преодоление страданий, а сами страдаем, каузуясь нам? Иными, малозначимыми? И сейчас, в условиях нормальной, мирной жизни, к сожалению, тоже есть и страхи, и разочарования, и горе. Они создают сложность, но и полноту человеческого существа, вани.

ЕСТЬ такое старинное слово — «сочинительство». Литература родилась как сочинение. Писатель — сочинитель. Тем не менее в слово «сочинительство» закралось что-то осудительное, насмешливое. У нас сочинение осталось разве что в названии одного вида издания — собрания сочинений. Тут против этого слова никто не возражает — ни читатели, ни авторы.

Думается, что пренебрежение не так безобидно, как кажется. Сочинительство в нашей прозе постепенно и незаметно как бы замещалось журнализмом.

Беспрестанные требования изучения жизни приводили порой к тому, что воображение, фантазия писателя, как бы и не требовались.

Существует тезис о том, что жизнь богаче литературы. Во всем этом, разумеется, есть своя доля правды, но только доля. Знать жизнь подробно, во всех деталях, со всеми ее приметами сегодняшнего дня, со всеми ее словечками, лексикой, конечно, заманчиво. Но иногда чувствуешь, что это знание тянет вниз, мешает подняться, увидеть общую картину жизни. Не давать места вымыслу и домыслу опасно для писателя. Я почувствовал опасность этого, когда занялся документальной литературой. Долгие занятия документальной литературой ослабляют писательский организм, который требует непрестанной работы воображения. Без употребления, применения «органов» вымысла, домысла как бы атрофируются.

Вымысел, условность всегда присутствовали в русской литературе — в прозе и Пушкина, и Гоголя, и Достоевского, и Булгакова, да и в нынешней нашей литературе. Когда эти традиции развиваются, тогда мы получаем такие интересные вещи, как новый роман Чингиза Айтматова. Там все сочинено и все правда. Факты, подлинные легенды, наблюдения меняют свою структуру. Так графит превращается в алмаз, так из клеток возникает новый уровень жизни — целостный организм.

Надо было иллюстрировать «Блокадную книгу» фотографиями. Мы отправились в архив ТАСС для того, чтобы найти фотографии заводов и фабрик времен блокады. Мы знали, как это было: разбитые снарядами цеха, измученные, еле стоявшие у станков люди, подвизывавшие себя, чтобы не упасть. Мы перебрали тысячи фотографий, сделанных репортерами в те годы. Мы видели за станками людей — рабочих, мужчин, женщин, суровых или улыбающихся, но неизменно бодрых. И никакие приметы голода, мук, блокадной обстановки — хоть сейчас печатать их в газете. Не нашлось буквально ни одного снимка, который показал бы, что творилось тогда на фабриках и заводах, как трудно было работать, как тяжело были условия.

Вначале нас это возмутило: украшательство, фальсификация... Но, расспросив фотокорреспондентов тех лет, мы убедились, что тут происходило иное: это была та боевая задача, которую они выполняли в сорок втором — сорок третьем годах, считая своим долгом показать, как, несмотря на блокаду, голод, холод, обстрелы, люди продолжают работать и выполнять свой долг. Со своей задачей фотожурналисты блокадного города блестяще справились. Они были журналисты, а не фотодокументалисты. Те думали бы иначе: о том, чтобы оставить для истории драгоценные кадры быта, героики ленинградцев.

Речь не о том, чтобы пренебрегать познанием жизни. Так или иначе она окружает

нас неотступно, стоит лишь встать, увидеть. Пикассо когда-то определил свой художнический принцип: я не иду, я нахожу. Емкая эта формула с годами кажется все более важной. Найти — значит откликнуться. Своим страданием, любовью, радостью. Хорошо, когда тема сама выбирает тебя, забирает тебя, не оставляя места сомнениям.

НЕДАВНО почти случайно я попал в город Малоярославец — маленький старинный городок, недалеко от Москвы. Познакомился с мэром этого города. Многие в его жизни совпало с жизнью моего героя Сергея Лосева — мэра другого русского городка — Лыкова. Так же, как и Лосев, он собирает дореволюционные открытки Малоярославца, обременен теми же заботами, увлечен реставрацией монастыря. В городе этой произошла история, похожая на происходящую в романе, только конец у нее другой: на самом красивом месте города построен филиал института.

Мы стояли с мэром Малоярославца на этом древнем склоне горы, обсаженной и реке. Отсюда был виден весь город, и это прекрасное место, обозначенное теперь невыразительным, случайным зданием, с развороченным, захлапленным двором. Я слушал, как он говорил с тоской и болью, что вот допустили испортить это лучшее место города. Это было еще до него. Я думал о том, что жизнь распорядилась жестче и суровее, чем в моем романе. И думал о том, упреки ли это? Или, наоборот, может быть, дело не в результате, а в открытии обстоятельств жизни, которые позволяют увидеть то, что не замечалось раньше.

Поначалу Лосев походил на многих людей, которых я знал: Младенцев легко перепутать, они трудноотличимы. Детей уже не перепутаешь. Происходило накопление судьбы, и он уходил от прототипов. Я полюбил его, хотя было в нем что-то неприятно-чуждое. Но что делать, мы же любим людей не только за достоинства — любви человека в целостности. Вся жизнь его проходила в убеждении, что надо расти, идти вперед. Мне хотелось показать, как появляется у него иное понимание ценности жизни. Нельзя оценивать человека по ступеням служебной лестницы. Мы слишком часто удачную жизнь связываем с карьерой. Уйти работать прорабом с высокой административной работой вовсе не означает катастрофы. О том, удачная или неудачная сложилась жизнь, надо судить по совсем иным понятиям.

Поступок героя вызывает вопросы. Может быть, так и надо. Конечно, может, что-то здесь следовало еще прояснить, углубить, но иногда мне кажется, что мы слишком все стремимся разъяснить. Не оставляем места непонятному. Мы знаем обо всем, и все нам ясно в наших книгах, хотя в самом деле, в реальной жизни мы путаемся, недоумеваем и много пребываем для нас непонятным.

ЕСТЬ книги, которые постоянно поминуются в нашей литературной полемике, в критических обзорах. Как правило, книги эти действительно хорошие, но прежде всего нужные критикам для примеров. Книги этого рода помогают критику доказывать свою мысль или опровергать мысли другого критика. Такие книги вместе с их авторами переживают из статьи в статью, ими забивают голы, набирают очки, пасуют друг другу, или их соединяют в списки, хотя они несовместимы и тем и дороги. Они так и колются наборами из доклада в доклад, из обзора в обзор.

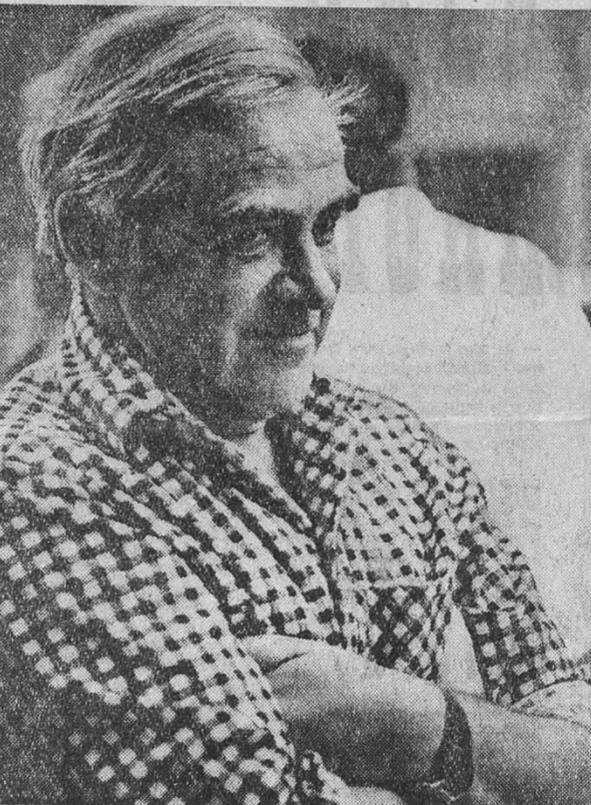
Рядом сосуществует мир книг, которые читают. Их просто читают, более того — перечитывают. Книги — не однодневки, а многолетние спутники, книги, которые составляют круг чтения на одного поколения наших читателей. Этот круг чтения составляет годами, вне школьных программ — составляется в недрах семьи, среди друзей, читающей публики, любителей литературы. Конечно, оба эти круга в какой-то части своей совпадают, однако живут совершенно раздельно. И если первый круг, постоянно фигурирующий в печати, известен, то второй никак не высвечен. Порой кажется, что его даже не хотят высвечивать.

Круг чтения у разных категорий читателей с годами меняется, в нем что-то замещается, что-то уходит. Но есть в нем устойчивая сердцевина, некий центр тяжести. С годами он тоже перемещается. И вот эта траектория его движения чрезвычайно любопытна и во многом характеризует нравственный уровень, этические потребности нашего общества.

Чтиво — оно всегда было и будет. Оно цокает огромными цифрами тиражей, читателям, очередями в библиотеках. Это другой успех, тоже характерный, заслуживающий обсуждения, но это за пределами круга чтения.

Очевидно, в литературе важны не только количественные показатели, хотя они тоже много определяют. Важны устойчивость спроса, жизнь произведения во времени, его художественная ценность, которая неподатлива моде.

НЕОБХОДИМОСТЬ

Даниил ГРАНИН

- ◇ Писатель — счастливая доля
- ◇ Когда тема выбирает тебя
- ◇ Что такое сочинительство?
- ◇ Самопожертвование критика
- ◇ Художник в мире ученых

Фото В. КРОХИНА

ство заставляло и помогало работать. И перед ним отодвинулись в сторону планы каждого из нас — задуманные рассказы, повести.

Читая чужие книги, я всегда чувствую, была ли такая настоятельная необходимость у автора. Мы справедливо сетуем на поток серых, бесцветных произведений. Они творятся не только бесталанными, от которых ничего другого ждать нельзя. Среди них немало пустяков, сделанных одаренными людьми, вещей облегченных, уклончивых, и чувствуешь в них нежелание принять в свою душу волнения, беды и заботы жизни своего общества, нежелание помочь, вмешаться, пойти против принятых понятий.

Вещи благополучные, уходящие от трагизма, от остроты, нередко имеют более легкую судьбу. Им легче появиться на свет, их приветствуют издатели, редакторы, да и критика. Такая литература и прежде существовала, и ранее ей жилось волгодно. Но это не значит, что можно мириться с ее существованием, с расширением ее территории.

За последние годы критика стала в этом смысле действовать куда самостоятельнее и смелее. В то же время она, мне кажется, уходит от прямого разбора произведений, от их сравнительной оценки. Для многих критиков книга, о которой они говорят, — всего лишь предлог, чтобы изложить свои собственные размышления о литературе, или экономике, или человеке. Дар критика редкий, в известной мере он требует самопожертвования. Меня привлекает именно самопожертвованность, да и по-

смысл своего существования на этой земле, тонко чувствующие, и притом, как соединена духовность с борьбой, например, за должность, за деньги? Люди, у которых талант и — зависть и желание пробиться наверх, — все совместно.

Наука, ученые... Материал этот был мне близок, я любил людей науки, видел в них воплощение идеала творческого человека. Потом стали появляться разочарования. Я понял, что занятия наукой — не гарантия нравственной чистоты человека. Полнота правды требует показать ограниченность этих людей и то, как меняется их роль в обществе. Показать, как много зла причинила, в частности природе, безпринципность некоторых ученых.

Наука открыла мне тему, впервые порожденную нашей эпохой, — перестройки энологического сознания человека. Мне представляется, что неправильное, небрежное, потребительское отношение к природе — тема, обязательная для литературы. Проблема защиты природы требует участия всех специальностей: техников, юристов, медиков. Но у литературы своя деликатнейшая обязанность и возможность по-новому представить человека о борьбе с природой, о покорении ее... Думается, что никто не может заменить здесь силы искусства, и в первую очередь литературы. Вот тут-то она мобилизована и призвана, и от нее действительно зависит, успеет ли человек спасти природу, поймет ли он...

Писатель жаждет и проповедничества, и утверждения. Но в то же время заранее известный ответ превращает произведение в донаказательство и лишает его поисков.

Для меня работа писателя сложна и призвана, и от нее действительно зависит, успеет ли человек спасти природу, поймет ли он...

Вопросы и поиски ответа на них — это своего рода исследование. И как исследователь узнает результаты лишь в